

Галина Целищева

СЕРБЕРЯНИЙ

РЫШАРЫ

Галина Целищева

СЕРЕБРЯНЫЙ

РЫЦАРЬ

Чита, «Поиск», 2007

УДК 882
ББК 82(2=Ру)7
Ц 30

Целищева Г.И.

Ц 30 Серебряный рыцарь: Стихи. – Чита:
Поиск, 2007. – 80 с.

ISBN 978-5-93119-194-2

Любовь, возвышенная, светлая, объемлющая
весь мир, – тема нового лирического сборника
читинской поэтессы Галины Целищевой.

УДК 882
ББК 82(2=Ру)7

ISBN 978-5-93119-194-2 © Целищева Г.И., 2007
© Книжное издательство «Поиск», 2007

ОТ АВТОРА

Этот сборник лирических стихотворений – продолжение многочисленных встреч с читателями. В типовых залах домов культуры, в уютных сельских клубах, в студенческих аудиториях, в районных библиотеках, где большинство присутствующих – женщины, возникает какая-то особая атмосфера, как только я начинаю читать стихи о любви. Молодеют лица, весенней нежностью наполняются глаза, открываются самые потаенные уголки человеческой души. И неважно – слова ли это о первом светлом чувстве, о зрелой всеобъемлющей страсти или о щемящей непреодолимости разлуки. Самое главное, что в них звучит настоящее, чистое, искреннее чувство. Все мы так схожи желанием – быть счастливыми и любимыми!

А потом женщины всех возрастов смущенно просят отдельную поэтическую книгу о любви. И меня необыкновенно радует, что в наше непростое и прозаическое время лирическая поэзия вновь востребована жизнью, что не захлестнула её мутная волна неприязнательного и бездумного читыва, что не ослабеваает благоговейная тяга к любви возвышенной, что не перестают мои современницы мечтать о прекрасных принцах и благородных рыцарях.

Тема любви – вечная тема для всех поэтов. Когда душа наполняется святым огнем, который приходит откуда-то сверху, когда сердце поет и на эту мелодию ложатся слова, тогда и рождаются лирические строки, пронизанные теплом и нежностью. Может быть, это именно та музыка, которую творческие люди называют музыкой?

В жизни я испытала и любовь, и потери, и разочарование, что нашло отражение в моих стихах. Может быть, поэтому они созвучны и понятны людям, пережившим или переживающим подобные чувства.

Сборник адресован тем, кто любит, любим, хочет любить и быть любимым, с пожеланием – сохранить свет, льющийся с высоты, и вечную окрыленность любовью.

Галина Целищева

Величавое море
шуршало и пело,
натирало язык
о прибрежный песок,
выгибало свое
совершенное тело
и готовило новый
азартный бросок...
Так и ты
сладострастно
играешь со мною.
В каждой
выходке моря
тебя узнаю.
Это ты
неустанно
волна за волною
омываешь
бессмертную
душу мою.

Как ты немного на Него похож!
В глазах — любовь, надежда, понимание
Тебе открыв законы мироздания,
Он верит в то, что ты не подведешь.

Ищу следы кровотока раны...
Но ты за жизнь изрядно нагрел.
Или тебе Он это разрешил,
И каяться еще куда рано?

Небесный дар, воробушек земной!
Зачем тебя все время в бездну тянет?
Уйду к Нему! Меня Он не обманет.
Тогда и ты взлетишь туда за мной.

Я таким
хочу тебя любить:
остроумным,
дерзким и веселым,
и в карман
не лезушим за словом,
без терзаний —
быть или не быть?!
Быть, конечно,
неприменно быть!
Радоваться солнцу
на рассвете,
торопиться жить
на белом свете
и меня
без памяти любить.

Тропинка заметна еле...
Здесь торной дороги нет.
Ты свет мой
в конце тоннеля,
немеркнущий, яркий свет.
Я Бога просила:
«Мне бы
коснуться судьбы судьбой».
И бог мой
спустился с неба,
спустился
и стал тобой.

ПОДАРКИ

Покосным летом,
ветреным и жарким
(в нем душные бродили сквозняки),
ты подарил мне
первые подарки:
закат у пламенеющей реки,
тугих стогов
дурманящие груди,
над головой —
в гирляндах — купола,
туман,
в котором исчезали люди,
слезу смолы шершавого ствола.
В парном болотце —
пение лягушек,
крапивы отрезвляющий ожог,
охапку сена —
мягче всех подушек
и поцелуя судорожный шок...
Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.

Мечусь по жизни
неприкаянно.
Живу — ни сердцу, ни уму.
А ты — какой-то
пресно-правильный
так, что противно самому.
Взяв на себя права учителя,
мне объясняешь суть вещей,
считая,
что весьма губительно
курить и пить,
и жить вообще.
Ты где-то над землей,
над правдою,
над ложью, над бедой,
над злом.
Мне кажется:
ты знаешь главное,
два века завязав узлом.
Вне времени,
что просто завидно!
С тобой я стала молодой.
Мой книжный червь,
философ-праведник,
ты — вечно юный и седой.

СИЛА

Я о тебе пыталась рассказать,
но слов обычных просто не хватило:
живет в тебе невиданная Сила.
Ты, верно, мог бы знаменитым стать...

Но на цепи сидит дворовый Пес
и стережет ту Силу неустанно.
И это — Страх, невидимый, но странно —
он никому спасенья не принес.

Все, что случилось, ты зовешь Судьбой...
И в таинство очерченного круга
не проберусь и я — твоя Подруга,
за частокол, воздвигнутый тобой...

Мне недоступен Двор, где правишь ты.
Я с этим миром за тебя сражалась...
Но вряд ли мне достичь (какая жалость!)
твоей непостижимой Высоты.

Нам никто, наверно,
не поможет
возвратить надежды
прежних дней.
Твои женщины
становятся моложе,
я пугаюсь седины своей.
Для чего тоски
порыв внезапный?
Вместе нам с тобой
уже не быть.
Я любовь бы
выпила по капле,
а могу лишь только
пригубить.
Что же мне
останется отныне
от безумных,
сладких,
поздних чувств?
На ладонях —
горький вкус полыни,
на губах —
разлуки горький вкус.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЫЦАРЬ

Мой славный серебряный рыцарь —
знаток быстроногих коней,
какие унылые лица
господствуют в свите твоей,
какие надменные дамы
алкают сражений и драм!
Я дам исцеляющий раны
настой и любовный бальзам...

Мой милый серебряный рыцарь,
доспехам души не спаси...
А я буду ждать и молиться,
тебя охраняя в пути.
Турниры, пиры и парады
от жизни простой далеки.
Тебе обещает награду
касание прелестной руки...

Мой гордый серебряный рыцарь,
в тебе благородная кровь,
не может со славой сравниться
презренной плебейки любовь.
Победно направивший мимо
толпы боевого коня,
не знаешь, что ты —
мой любимый,
и даже не видишь меня.

Ах, зачем я написала имя,
твое имя веткой на снегу!
Я губами теплыми своими
отогреть то имя не могу.
А оно все мерзнет и искрится
и глядит в заснеженный февраль...

А над лугом тем летают птицы,
летнюю украсив пастораль.

Не такая я красавица,
надо честно говорить.
Согрещу — не стану каяться,
а судьбу благодарить.
По повадкам — птица хищная,
осторожен, горд и смел,
ты, вниманием пресыщенный,
разглядеть меня сумел:
кроткий вид, на щечках ямочки,
сердце полное огня.
Образ юной полоняночки,
извини, не для меня.
Я — отчаянная женщина,
не терплю пустых обид.
Все возьму, что наобещано —
Бог рассудит и простит.

Твой жаркий поцелуй
занёс смертельный вирус.
Он воспаляет кровь,
он сердце бередит.
Я поддалась ему,
он осмелел и вырос,
он властвует во мне,
он мной руководит.
Преследует меня
больное наважденье,
что я не знала жизнь,
лишь слышала о ней.
Но стал ли этот день —
днём моего рожденья?
А, может, это был
день гибели моей?

Я свои не рассчитала силы.
С кем столкнулась —
было невдомёк.
Почему огня не погасила?
Он и заглянул на огонёк...

Образ его чистый и прекрасный
в сердце мне носить, не износить...
И теперь, действительно, напрасно
у судьбы спасения просить.

Кто ты?
Наказанье? Награда?
Не бог, но отменно сложен,
смятенье мужей и услада
в довольстве скучающих жен.
Кто ты?
Перед образом чистым
хочу на колени упасть
и, вняв завереньям речистым,
попасть в безраздельную власть,
смиренною стать и покорной
(теперь всё решай за двоих!).
Не всё ли равно —
белый, черный
оттенок у крыльев твоих.
В слепую обрушиться бездну,
достигнуть святой высоты
и тело распять,
и воскреснуть,
и ведать,
что ты — это Ты.

Не говорю ни правды и ни лжи.
Как распознать,
как различить по звуку?
Кому сказать спасибо за науку,
за чистоту отвергнутой души,
за то, что состоялась жизнь моя
ни дать, ни взять,
как говорят в народе,
за соль и снег
на скользком переходе,
за сладостную горечь бытия?

ОСЕННИЙ ПОЛЕТ

Как сдержат под прессом силу?
Не могу себе простить...
Ведь душа давно просила
на свободу отпустить.
Улетела с журавлями
беспокойна и легка
над лесами и полями
под крылом у жоака.
А душа-то тоже птица,
ей без пары — не житье.
И кто знает, что творится
в заповедниках ее?
А душа к тебе летела
день и ночь издалека,
твоего коснулась тела
и отпрянула слегка.
Не хотел ты даже слушать,
даже видеть не хотел.
Ты свою растратил душу
на согрев случайных тел.
Но она к тебе стучалась,
билась птицею в окно.
Там твоя душа скучала,
одинокая давно.
Видишь —
зябнет на балконе,
притворившись воробьем?
Душа душу не прогонит.
Будет весело вдвоем!

Изящный, как испанский гранд,
ты — ловелас, хитрец и франт.

Но не испить тебя до дна —
в тебе такая глубина!

Во взгляде — небо, бездна, сталь,
великомудрая печаль...

Каким же ветром занесло
меня под белое крыло?

Мне дорого всё,
что рождалось тобой,
рождалось тобой,
становилось судьбой.
Делением клеток
с тобой не расстаться.
Но надо идти..
Ты не просишь остаться.
В закрытой карете
отвозишь домой.
Прощай,
осторожный
возлюбленный мой!

Он вглубь глядел
проникновенным взглядом
и любовался тем,
что видел там.
Сидел поодаль,
а казалось — рядом,
слова мои
читая по губам.
И жаждал он
на миг соединиться,
а мне же показалось —
на века..
Моих волос
коснулась, словно птица,
прекрасная
прохладная рука.

Напряженно
глядели в оба:
– Не обманемся в этот раз!
Дельфиненок мой,
крутолобый,
для чего тебе пара глаз?
Для чего тебе
чуткий-чуткий
и почти звериный инстинкт,
если в новую злую шутку
сокровенное превратим?
Для чего тебе сердце,
если
не трепещет оно в груди?
Пой
о любящем сердце песни
и покоя не находи!

Любви желал,
победы добивался.
О, как сладка
губительная власть!
Как ты бесстрастно
страсти предавался,
стремясь в любви
навластвовать всласть!
А ты держал
в руках живую душу,
которая могла бы
стать твоей,
но ты молчал
и равнодушно слушал,
не понимая,
что же делать
с ней.

Я, конечно, не уверена,
что ты будешь вспоминать.
Сколько времени потеряно —
лучше бы не начинать!
Незначительными фразами
обменялись мы тогда.
И теперь, что недосказано,
не доскажем никогда.
Но душевное томление,
что смиреньем не унять,
прикоснувшись на мгновение,
только ты сумел понять.

Взлетали вместе...
Мир вокруг — безбрежен.
Любовью
назывался наш полет.
Ты был
неистов,
яростен
и нежен
и растопил
предубеждений лед...
И был закат
неимоверно алым,
закжженным
от огня твоей души.
И на закате
сонка так пылала,
что никогда
её не потушить!

Ты снова говоришь
о чем-то важном:
о долге, славе,
чести и войне.
Глаза блестят
взволнованно и влажно.
А мне смешно
от этого в войне.
Тебе мой смех,
конечно, неприятен.
Найду ль слова
тебя разубедить?
Ты — добрый,
замечательный приятель,
но добротой
врага не победить.
Да, нет цены
твоим деяньям славным!
Ты не сердись...
Я это не в укор.
Во все века
не это было главным,
мы тратим время
на ненужный спор.
Всё на виду,
но ты проходишь мимо
во власти заблуждения своего.
Так что есть Жизнь?
Уму непостижимо —
Любовь и Смерть!
И больше ничего.

ВЕСНА

У весны —
девчоночьи замашки:
дразнит,
веселится
и поет.
Каждый день весны —
особый праздник.
— Радуйся, мой друг!
Она — идет.
Мы с тобой,
как прежде, — молодые,
и нам снова
хорошо вдвоем.
Я гляжу,
как блики золотые
расплясались
на лице твоём.
Мы сидим
на солнечной опушке,
и земля
еще парит слегка...
Я целую каждую веснушку
на твоих
обветренных щеках.

Я сквозь пространства и века
откроюсь Прошлому навстречу.
— Откуда ты? — Издалека! —
многозначительно отвечу.
Уйду в полёт, прыжок, поток,
да так, чтоб сердце отлетело,
освободившееся тело
уже никто догнать не мог...
Мой разум всё предусмотрел,
как, скинув рабские оковы,
восстать на поле Куликовом
и избежать татарских стрел.
Как воспарить и не упасть,
не обессилеть на излете
и в упоительном полете
не угодить дракону в пасть...
Ходить в учениках Христа
я буду,
в кровь сбивая ноги,
и заночую у дороги,
чтоб первой снять его с креста...
Но, соблюдая все условия,
не будет жизнь моя легка:
всезнающей, наверняка,
не пережить
Средневековье.

Что в слове «три» — гармония, отравя?
Тоской наполнен тайный смысл числа.
Мы делим на троих (о, боже правый!)
твою любовь. Она — источник зла.

Ты — как сосуд с густой восточной кровью...
С каких сторон на это не смотри,
но вряд ли называется любовью
альянс — мужчина, а избранниц — три.

И дело не в твоём грехопаденье,
В тебе — не грех, и в нас порока нет.
Ты любишь жизнь. И странно удивленье,
что стал твоим пророком Магомет.

Ты хладнокровно шар вгоняешь в лузу,
не мучаясь ни страстью, ни виной...
Три женщины, три грации, три музы!
Прости, но ты не стоишь ни одной.

На линии смиренья и отчаянья,
на мертвой, безымянной полосе
он появился, словно бы нечаянно,
потусторонний, не такой как все.

С повадками языческого мага,
невозмутимый с головы до пят.
— Всё — тлен и прах.
Твои стихи — бумага,
а рукописи, правда, не горят.

И уводил меня в такие дали!
Такие мне показывал места!
И вместе мы такое увидали,
жизнь сочиняя с чистого листа!

Он говорил мне — глупой и зеленой:
— Как я, писать не можешь, не пиши!
И выжигал тавро своё каленое
на рукописи трепетной души.

Барабанщик, играй победу!
Враг бежал от осадных стен.
Среди нас победителей нету
и желающих сдаться в плен.

Упиваясь своей свободой,
заковала сердце в броню.
Не ищи особых подходов —
измотаю и прогоню.

Избежав любовной напасти,
я спаслась от тебя, а затем,
свою жизнь разломав на части,
прожила не так и не с тем.

Я носила в себе, не зная,
сердце, занятое тобой.
Сколько сил потратила зря я!
Барабанщик, играй отбой!

Усталый вечер
выглядит несвежим,
расслаблен он,
задумчив и изнежен,
в нем бродит хмель
настоянного лета.
Свернулся день,
как фантик от конфеты.
В земном костре
ночного смолокура
сгорает туч
растрепанная шкура.
Но то, что нас
печалит и тревожит,
никак растаять
в зареве не может.

УТЕШЕНИЕ

Забудь свою печаль и грусть.
Я в нежном танце листопада
тобой излюбленного сада
листочком щеки твоей коснусь.

Прижмись к морозному окну,
не плачь, что годы пролетели.
Я в вихре бешеной метели
снежинкой слезы промокну.

Ты бродишь в веренице лиц,
от одиночества слабея.
Лучом весны прорвусь к тебе я
лихой капелью, пеньем птиц.

А если сердце дало сбой,
послушай: застучал кузнечик,
как летним утром нашей встречи,
морзянкой выбив: «Я — с тобой!».

ВОР

Я в накинута́й наспех куртке
побегу́ через стылый двор...
Напевая песню́ о Мурке,
меня́ встретит полно́чный вор,
остановит (немного́ пьяный):
— Деньги́ или тебе́ — ко́нecь!
Он обшари́т мои́ карма́ны,
не найдя́ на руках ко́лец.
А в карма́не — четы́ре каме́шка,
что броса́л ты в мое́ окно,
и потрепа́нное по краешку́,
в сгибе́ порва́нное письмо́.
Зазвени́т...
— Неужели́ золоти́во?
Но блесне́т в серова́той мгле́
плоский́ ключ от́ дома́, которого́
уже́ нет на́ этой́ Земле́...
Ничего́ не увидев́ ценного́,
сплю́нет и зашага́ет прочь.
Буду́ я одна́ во́ Вселенной
коро́тать безлу́нную но́чь.

Золото́й капе́лью листва́
упаде́т в заду́мчивый́ пруд.
Недосказа́нные слова́
жура́вли на́ юг унесу́т.

Недописа́нные стихи́
в зве́здном небе́ расте́ют враз.
И оста́нутся́ лишь́ штрихи́
неоформа́нных мы́слей и фраз.

Нево́стребowáнный́ привет
по́ земле́ мете́ль разме́тет.
Скро́ет еле́ заме́тный след
че́рно-се́рый асфа́льный́ лед.

Все́ сложи́лось у́ нас не́ так...
Снеги́ри на́ снегу́ — каќ кровь,
проста́пает на́ белых́ бинта́х
нера́страченна́я́ любовь.

ЖИВАЯ ВОДА

На Ивана Купалу,
в ночь,
в роднике пью
живую воду...
Лишь она
сумеет помочь
ощутить любовь
и свободу.
Древних таинств
тугая нить
сжала горло...
в глазах — темно.
Жар в груди...
Не устану пить
исцеляющее тепло...
Выгоняй
огнем и водой
боль тоски и озноб потерь!
Я от встречи
с любой бедой
заколдованная теперь.

ПОДСОЛНУХ

Погладил,
приголубил,
пожалел,
ушел беспечный...
Ничего не помнишь...
А за окном
орешник облетел
и ветками зовет
меня на помощь.
Но я сама
нуждаюсь в утешеньи,
не вскользь,
не мимоходом,
не на миг...
Подсолнух —
золотое украшеньё —
тяжелыми
головками поник...
За доброту
положена награда.
Я знаю,
чем тебя благодарить:
когда шаги
замедлишь у ограды,
хочу подсолнух
зрелый подарить.

Считаешь, ты бессмертен, друг?
Доселе смертные вокруг
меня враждовали.
И, значит, мне теперь одной
бороться с жизнью, сединой —
мы распрощались?
Ждешь вознесенья на Олимп.
Над головою — светлый нимб —
сиянье бога.
И нам уже не по пути.
Куда способна завести
тебя дорога?
Не будем больше мы близки.
Ласкаю белые виски,
у глаз — морщины.
Не золото, а серебро
дарует время,
бес в ребро —
всем вам, мужчины.
Не утихает страсть в крови...
Великой, неземной любви
тебе хотелось.
Себя с рассветом подари
богине утренней зари —
прекрасной Эос.

Тогда и будешь вечно жив.
Но только легендарный миф
напомнить надо:
бессмертный, но не молодой,
Титон не справился с бедой
и стал цикадой.

А предрассветный ветерок —
лишь дуновенье.
И жизни трепетный урок —
одно мгновенье.

Все как-то не так: не надежно,
не остро, не сильно, не зло,
не страшно, и значит, возможно,
мне в жизни во всём повезло.

Возрадуюсь пресненькой скуке,
не буду роптать на судьбу,
под траурно-гордые звуки
утешусь смиренно в гробу.

Но в грудь — наказанье забвеньем —
осиновый кол надо вбить,
чтоб не было мне воскресенья
за то, что не смела любить.

Говорю о твоём совершенстве
убеждённо и верю сама.
Ожидала любви и блаженства,
а на деле — сходила с ума.

Вот такая сложилась дилемма!
Мне её не исправить вовек.
Как живут в тебе ангел и демон,
удивительный мой человек?!

Мы находим дорогу по звездам,
но тревожно под полной луной.
Скоро будет, действительно, поздно
из любви выбираться одной.

Отчужденно друг другу «выкали»,
хоть и выпили за любовь.
Так темно, хоть глаза выколи,
Ты целуешь то в нос, то в бровь.

...Лучезарный поток света
ослепляет — остановись!
Что такое? Откуда это? —
звезды, ангелы, небо, высь...

Будут все священнослужители
нам во веки веков служить.
Небожители мы, небожители!
Нам теперь на Земле не жить.

Все в жизни
совершается случайно,
но каждый вдох
неповторим в веках.
Мы были в шаге
от Великой тайны
и мир держали
в собственных руках.
Как мы любили,
плакали и пели!
Так что же нам
всегда мешает так?
Мы были в шаге
от желанной цели,
но не решились
на последний шаг.

Снег расцвечен
радужными искрами,
потому что он —
январский снег.
Ты сейчас со мной
предельно искренен,
без любви
замерзший человек.
Словно с другом,
делишься секретом,
беспокойных мыслей
не тая...
Почему мне
ненавистна эта —
Королева снежная твоя?

Такое
приближается прозреньё!
Я небо
задеваю головой,
плыву внизу
легкоранимой тенью
по тоненькой
травинке луговой.
И целый мир
сейчас в моем кармане:
леса и поле,
воздух и роса...
И вновь меня
неотвратимо манят
твои
темно-иконные
глаза.

О, желанная свобода!
В небе ангелы трубят.
Руки — крылья для полета,
улетаю от тебя,
от горящих глаз бездонных,
от обмана и страстей,
от неписанных законов,
от губительных вестей,
от твоих терзаний сладких,
от брожения в крови,
от стихов в ночной тетрадке,
от любви и нелюбви...
Я проветрюсь и отмоюсь,
телом сделаю чиста,
отмоюсь и успокоюсь.
Дальше — снова пустота.

Беспечный,
невинно-порочный,
небрежный и грешно-земной,
связал ты нелепо, но прочно
нетленные узы со мной.
Ты прав и не прав...
Перед Богом
мы все, безусловно, равны,
но как бы не вылезло боком
не смытое чувство вины!
Все наспех,
легко,
ненадежно...
В метаньях сменяется век...
А счастье так было возможно,
единственный мой человек!

Не бережем того,
что в жизни слишком,
пугаясь глаза, не глядим в глаза.
Мы верим всяким
чародейским книжкам,
в гаданье, в ворожбу и чудеса.
Потворствуем
мистическим обрядам,
иначе жизнь неинтересна нам.
Готовы все отдать мы,
если надо
вещуньям, магам,
ведьмам, колдунам.
Хотим достичь успеха и победы
и молимся
усердно и всерьез.
По сути, мы — язычники и веды.
Зачем за нас
так мучился Христос?!

Весь ты мой,
от мгновенья,
как только родился,
хоть и жил без меня
и с другой разводился.
Хоть испробовал все:
и паденье и славу...
Весь ты мой,
и моим остаешься по праву
первых слов, первых снов,
первородного вдоха...
Говоришь, что и так тебе
было неплохо.
Может быть, может быть...
Я считаю иначе:
ты был мне, только мне
навсегда предназначен.
Весь ты мой.
И я, кажется, в это поверю,
как я верю в судьбу
и в открытые двери.

Как остры облака в горсти!
Как закат обжигает сердце!
Снова хочется наскрести
горстку соли, щепотку перца,
задохнуться и задрожать...
руки — к небу, а душу — Богу,
и детей от тебя рожать
на тряпье кибитки убогой,
и бежать за тобой и ждать,
зная: ты неверен, как ветер,
и тебе предстоит блуждать
и на том, и на этом свете.
Ты, мой странник,
не Дон Кихот —
кони, степи, кочан и стрелы...
Ты веками летел вперед,
я веками во след глядела.
Сколько ты истоптал дорог?!
Я в окне зажигаю свечи,
чтобы ты обнаружить мог
место нашей последней встречи.

Кто ответит:
куда все катится?
Мир раздроблен,
слезой размыт...
Я — девчонка
в линиях платянице,
ты — порочен и знаменит.
Наслаждаясь
тирадой выпрренной,
намекаешь, как надо жить,
учишь быть
свободной и искренней,
но не думаешь
мне служить.
Мы участвуем
в скучной драме,
где давно известен финал.
А стихи
о Прекрасной даме
ты когда-нибудь сочинял?
Выбираешь
роль Покровителя,
но огня нет в твоей крови.
По-крови-тели, по-крови-тели...
А девчонки хотят любви.

Я нам с тобой
придумала любовь
такую,
что страшнее наказанья,
чтоб показать
нелепость притязаний,
чтоб заморозить
бешеную кровь,
чтоб все забыть:
отчаянье и ложь,
все вытравить,
развеять и исправить,
и только память
о себе оставить,
и знать,
что ты в разлуке пропадешь.
Но мсть моя
не стоит ни гроша.
Ты — добр и мил,
и бесконечно нежен,
и взгляд твой —
равнодушно безмятежен,
сомненьями наполнена душа.
И мне одной
переживать беду.
Ты, однозначно,
не протянешь руку,
усвоив беспощадную науку —
не знать,
что я в разлуке пропаду.

В душе поют
взволнованные струны.
Но я
наивных песен
не стыжусь.
Кажусь себе я
маленькой и юной
и беззащитно-трепетной
кажусь.
Пусть в волосах
искрится прядь седая,
но разве есть
у возраста предел?
Ведь ты мне шепчешь:
«Вечно молодая...» —
и смотришь так,
как в юности глядел.

Я сначала
бездумно дышала тобой,
каждой клеткой вбирая тебя,
но затем,
ощутив загрудинную боль,
поняла: отравила себя.
Все смешалось во мне:
там — и я, там — и ты,
там — надежда,
тоска и любовь.
Омывает
взращенные в сердце цветы
на мою не похожая кровь.
Только ты не такой,
чтоб жалеть и вздыхать...
— Я влюбляться в себя
не просил!
И тогда я тебя начала...
выдыхать
из последних
отчаянных сил.
Выдыхать
чужеродную сущность твою,
что во мне поселилась, губя...

Даже если
всю выдышу душу свою,
не избавиться мне от тебя.

А встреча была такой
нелепою и случайной!
Не выпало нам другой
из тысячи разных встреч.
Я буду ее беречь,
оставшись
случайной Тайной,
и пусть не заходит речь
о таинстве
наших встреч.
Я только — строка в судьбе,
число
в донжуанском списке.
Об этом жалеть тебе,
об этом судить не мне...
Я чувствую,
что не надо
к тебе приближаться близко,
ведь та,
что с тобою рядом,
сгорает в твоём огне.

ЧАЙ ИЗ МЯТЫ

Снова катится лето к закату.
Воздух утром прохладен и сед.
Собирает душистую мяту
у ручья молчаливый сосед.

Он развесит ее на веранде,
будет чаем меня угощать
с обещанием полных гарантий
безмятежность душе возвращать.

Я растаю, сливаясь с природой,
я в траву превращаюсь сама.
И уже не смущает погода,
и уже не пугает зима.

Зелень глаз заморозит соседа.
Мятных губ разомкнется печать.
Буду пить уходящее лето
и без боли тебя вспоминать.

Утро.
Вновь полоска неба
в незашторенном окне.
Верю я,
что где б ты ни был
все равно придешь ко мне,
вверх
по лестничным пролетам,
не считая этажи...
Я сейчас без веры этой
не смогла бы дня прожить.
Хочешь знать,
как ты мне нужен?
Сердце плавится в груди...
Хоть на завтрак,
хоть на ужин
непрерменно приходи!
И прости за недоверье...
Ты обиды не таи.
И опять
шаги за дверью
так похожи на твои!

Закат смущенный тих и нежен,
но знаем мы, чего хотим.
И акт последний неизбежен,
Как гром в грозу, неотвратим.

И мне уже мешает платье,
и участь гибельно ясна...
Сама лечу в твои объятия,
как мотылек на крыльях сна.

Касанье губ медово-сладко,
вино бурлит в моей крови...
И я стораю без остатка
в безумном пламени любви.

ПТИЦА

Кричала птица что-то исступленно.
Хотела, видно, высказать свое.
Затерянную в зарослях зеленых
я обнаружить не могла ее.

Летели крики из густого сада,
и песней их никак не назовешь.
Вокруг была высокая ограда,
и если даже хочешь — не спасешь.

Там — особняк «крутого» олигарха,
туда не впустят никогда чужих.
Жалея соплеменницу, над аркой
кружили острокрылые стрижи.

И зачастую в жизни так бывает:
кто послабей, того прогонят прочь...
Твоя любовь о помощи взывает,
а я опять не в силах ей помочь.

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Ветхих стен закоулки пыльные,
дым сиреневый над трубой...
Обещаю: я буду сильная,
если встретимся мы с тобой.

Обещаю: буду хорошая,
жестким венником замету
сожаления, как горошины,
долгих лет пустых маяту.

За грядой перевала снежного,
в доме старого лесника
отогрею родного, нежного
чаем горного родника.

Как одежды, сомненья сброшены —
этой ночью ты только мой...
От лыжни следы запорошены,
и никто не спешит домой.

О, ЖЕНЩИНЫ!

О, женщины — земные божества!
Где вам найти великого мужчину,
понявшего и тайну естества
и жизни существующей причину?

И можно ль невозможное постичь,
как тонкий запах листика живого,
рябины горькой огненную кисть
и остроту несказанного слова.

Изменчивую форму облаков,
земной свободы образ неизменный,
брожение ненаписанных стихов,
пульсацию космической вселенной.

Дрожащий блеск росинки на траве,
триумф и гибель новогодней ели,
движение мысли в умной голове,
рождение ребенка в женском теле.

У ОЗЕРА

Рамка зеркальца озерного
изгибается слегка.
Бродят вздохи
ветра вздорного
в сизых лапах
тальника.
Ни о чем
меня не спрашивай,
ничего не говори!
Просто вдруг
от счастья нашего
что-то дрогнуло внутри.
Ива сонная склоняется
над морщинистой водой...
Снова сердце
наполняется,
наливается бедой.
Наша встреча —
дело случая —
птицей выпорхнет из рук.
...Полуночные предчувствия
непредвиденных разлук...
Где-то кромка
леса дальнего
перечерчена рекой...
Жизнь
без примеси печального —
неизведанный покой.

ЦВЕТОК

Зачем ты тогда
не сказал откровенно,
что больше не помнишь,
не любишь,
не ждешь?
И белый цветок —
снежно-нежная пена
на зимнюю изморозь
станет похож?
Но ты не бросался
такими вещами,
хотел ты быть ласков,
галантен, не груб...
Мне воздуха нет
без твоих обещаний
и даже цветок
замерзает у губ.

Ты думал,
что все так просто:
ушла и — вон из души.
Но в сердце
остывший остов
рассыпаться не спешит.
Со временем
хрустнут кости
нашей с тобой любви.
Хочешь проверить?
В гости
как-нибудь позови...
Чтоб то,
что казалось прахом,
вновь проросло,
окрепло
и возродилось взмахом
птицы Феникс из пепла...
Ты не борись —
бесполезно.
Рядом я — дни и ночи.
И это тебе известно.
Только ты гордый очень.

Стою одна перед открытой дверью,
боюсь вдохнуть и за порог шагнуть —
непостижимо адскою метелью
пропитан дом и занавешен путь...
Мой милый,
выручай меня из страха,
из паутины сонной выручай!
Ворчи, что я — мотовка, растеряха,
но предложи мне земляничный чай
и ложку
в теске с тягучим медом,
и лета ароматные дары...
И я себя почувствую свободной
от умопомрачительной игры.

Лечу свободная и гордая..
Но прерываю свой полет:
не торопясь, с тобой по городу
другая женщина идет.

Глаза — восторженно-победные,
печать ладони на плече..
Она еще не знает, бедная,
Что ты воистину — ничей.

В плену твоей неукротимости,
как я когда-то, станет жить,
но ей ни лаской, ни терпимостью
любви твоей не заслужить.

В постоянном желании
плотских утех
ты опять повторяешь
историю тех,
кто, прожив на земле,
не заполнил ни дня,
кто костер разложил
и замерз без огня.
Как тебе удалось
убежать от любви?
Чем лечил ты
хмельное брожение в крови?
Ты гордишься,
что жизнь проживешь не любя.
Ты и небо, и землю украл у себя.

РОМАШКИ

Узкая больничная палата.
Запахи болезни и лекарств.
Кажется, несоразмерна плата
за часы волнений и мытарств.

Знак вниманья не дает промашки.
Я уже здоровая вполне:
радуют веселые ромашки
в трехлитровой банке на окне.

Хмурый день напоминает осень,
лес и поле где-то далеко...
А меня из серых стен уносит,
на душе становится легко.

Вдруг я понимаю: жить я буду!
(Мне и доктор это говорил).
Ты мне не цветы, а веру в чудо
и глоток надежды подарил.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Замок сер, тяжел и мрачен.
В замке том живет беда,
кто-то в нем ночами плачет.
Стынет горькая вода...
Никому из темной чащи
не найти к нему пути.
Ветер жалобней и чаще
просит пленницу спасти.
Зверь присядет у порога,
чутким ухом поведет,
только дальняя дорога
и его, наверно, ждет.
В сказке вырвана страница...
Спит охотничий рожок...
Иногда лесная птица
плавный сделает кружок...
Что с красавицею будет?
Эхо тает в глубине...
Замок этот не разбудит
принц, убитый на войне.

Ну, вот и славно — новая весна!
Под небом нежно сопки голубеют...
Прошла простуда, голова ясна...
Пишу стихи, мой милый, о тебе я.

Ты, как всегда, не будешь их читать,
ты проявлений искренних стыдишься.
Ты позабыл, как падать и взлетать,
и только достижениями гордишься.

Ты от любви светиться перестал,
в инструкции закованный, как в латы.
Ты сам себя возвел на пьедестал,
а человек рождается крылатым.

УМНИКУ

В зыбком воздухе что-то носится...
Только этому ты не рад:
упирается в переносицу
напряженно-тревожный взгляд.

Опасешься быть непонятым,
за словами скрывая суть?
И меня в словесные омуты
все пытаешься затянуть.

Не хитри,
притворясь бесхитростным!
Я же вижу тебя насквозь.
Разве сможешь ты
душу вытрясти
и повесить ее на гвоздь?

В тайнике за семью печатями,
сколь неистовых сил не трать,
не найдет своего читателя
зашифрованная тетрадь.

Не гадалка я, не пророчица,
у меня есть свои дела.
Почему же тебе так хочется,
чтобы я тебя поняла?

Ты — город,
в котором живет мой любимый,
ветрами томимый, богами хранимый.
Ты, древний и юный, роскошо-восточный,
несеешь между сопок огней многоточье...

К тебе обращаюсь
в преддверьи разлуки:
— Пусть помнит он только горячие руки,
смешные стихи и бравурные песни,
дворняг и котов симпатичных, а если,
меня не увидев, слегка удивится,
пошли ему с легкой походкой девицу.

Люби его, город!
Он — лучший на свете!
Веселой улыбкой буди на рассвете.
За ним не следи, поступая жестоко,
надменно-слепыми глазами окон.

Храни его, город, —
вселенной частицу,
и с ним никогда ничего не случится!
Дари ощущение тепла и уюта.
За это тебя никогда не забуду!

ПТИЦЕЛОВ

Большой переполох
начнется в доме,
когда ты не спеша
откроешь дверь.
Твой четкий силуэт
в дверном проеме
не выветрится
из памяти теперь.
— Входи же,
долгожданная Синичка!
Захлопну «клетку»,
постелю постель.
Мне будет жаль,
коль птичка-невеличка
найдет себе
спасительную щель.
Зачем тебе простор,
зачем свобода?
Так страшен мир
без крепкого плеча!
Нас защищают
каменные своды
и стены
из тройного кирпича.
В руках синица —
верная примета,
что в доме все,
о чем могу мечтать.
Побудь со мной
до будущего лета!
А там...
и не захочешь улетать...

КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ ВЕТРОМ

Когда ты станешь Ветром,
влети в мое окошко
задолго до рассвета,
взъерошив шерсть у кошки.
Пошевели страницей
несовременной книги,
просыпав на ресницы
свечения и блики.
Неси Восток и Запад
восхода и заката,
неуловимый запах
подсолнуха и мяты...
Легчайшим бризом дунешь,
совсем как вдох и выдох...
Ты просто существуешь
в одном и сотне видах.
Обдай лицо прохладой
осеннего ненастья!
Всегда ты будешь рядом.
И только в этом — счастье!

Шуршаньем камыша,
речной осокой,
закатным солнцем,
жесткою травой
и даже чем-то
более высоким
навек вместе
связаны с тобой.
Христовой кровью
и вселенской болью,
рождением в муках,
страхом умереть,
щемящим вздохом
и такой любовью,
что разлюбить нам
просто не успеть!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Величавое море...»	5
«Как ты немного на Него похож!...»	6
«Я таким хочу тебя любить...»	7
«Тропинка заметна еле...»	8
Подарки	9
«Мечусь по жизни неприкаянно...»	10
Сила	11
«Нам никто, наверно, не поможет...»	12
Серебряный рыцарь	13
«Ах, зачем я написала имя...»	14
«Не такая я красавица...»	15
«Твой жаркий поцелуй...»	16
«Я свои не рассчитала силы...»	17
«Кто ты? Наказанье? Награда?...»	18
«Не говорю ни правды и ни лжи...»	19
Осенний полет	20
«Изящный, как испанский гранд...»	21
«Мне дорого всё, что рождалось тобой...»	22
«Он вглубь глядел...»	23
«Напряженно глядели в оба»	24
«Любви желал...»	25
«Я, конечно, не уверена...»	26
«Взлетали вместе...»	27
«Ты снова говоришь о чем-то важном...»	28
Весна	29
«Я сквозь пространства и века...»	30
«Что в слове «три» – гармония, отравы?...»	31
«На линии смиренность и отчаянья...»	32
«Барабанщик, играй победу!...»	33
«Усталый вечер...»	34
Утешение	35
Вор	36
«Золотой каплейю листва...»	37
Живая вода	38
Подсолнух	39

«Считаешь, ты бессмертен, друг?...»	40
«Все как-то не так...»	42
«Говорю о твоём совершенстве...»	43
«Отчужденно друг другу «выкали»...»	44
«Все в жизни совершается случайно...»	45
«Снег расцвечен радужными искрами...»	46
«Такое приближается прозренье!...»	47
«О, желанная свобода!...»	48
«Беспечный, невинно-порочный...»	49
«Не бережем того, что в жизни слишком...»	50
«Весь ты мой...»	51
«Как остры облака в горсти!...»	52
«Кто ответит: куда все катится?...»	53
«Я нам с тобой придумала любовь...»	54
«В душе поют взволнованные струны...»	55
«Я сначала бездумно дышала тобой...»	56
«А встреча была такой...»	57
Чай из мяты	58
«Утро...»	59
«Закат смущенный тих и нежен...»	60
Птица	61
За перевалом	62
О, женщины!	63
У озера	64
Цветок	65
«Ты думал, что все так просто...»	66
«Стою одна перед открытой дверью...»	67
«Лечу свободная и гордая...»	68
«В постоянном желании...»	69
Ромашки	70
Спящая красавица	71
«Ну, вот и славно – новая весна!...»	72
Умнику	73
«Ты – город...»	74
Птицелов	75
Когда ты станешь ветром	76
«Шуршаньем камыша...»	77

Литературно-художественное издание

Целищева Галина Ивановна
Серебряный рыцарь
Стихи

Рисунки О. Кузьминой и Т. Черновой

Редактор О.А. Димов
Корректор Т.П. Прокопенко
Дизайн и верстка Т.П. Чернова

Книжное издательство «Поиск»
Подписано в печать 28.04.2007 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Lazurski
Печ. л. 5. Тираж 300 экз. Заказ № 34

672027, г. Чита, ул. Смоленская, 22
Тел. 26-59-21

